

ПРЕДИСЛОВИЕ

XX век настолько был богат разными событиями, что из истории каждой отдельной семьи в нашей стране можно сделать увлекательный роман или сагу, полную событий и приключений.

К сожалению, история большинства семей, переживших этот непростой век, неизвестна. Документы и фотографии потеряны, память о предках не хранится. Тем более ценны те немногие оставшиеся воспоминания, описывающие события, которые происходили вокруг, не с точки зрения официальной истории, а просто, как повседневную жизнь, с бытовыми мелочами, со своими переживаниями происходящего вокруг, с мелкими подробностями, которых не найти в трудах историков и учебниках.

В книге, представленной на суд читателей, показана история одной семьи, основанная на письмах и воспоминаниях ее представителей. Они не творили сами историю страны, они просто жили, как могли, в то непростое время и волею судеб были участниками тех событий, которые пришлось пережить в XX веке всему нашему народу.

В первой части книги дана переписка членов семьи с 1916 по 1924 год. Глава семьи — земский служащий Воронежской губернии Степан Григорьевич Матвеев — и его жена Анна Петровна имели свой хутор с большим хозяйством в Бобровском уезде Воронежской губернии. На хуторе также в то или иное время жили их дети. Дочь Вера Степановна со своим мужем Михаилом Константиновичем Вентцелем (представителем известной семьи Вентцелей, из которой вышли многие известные люди: ученые, писатели, артисты) и сыновья — Сергей Степанович с женой Екатериной Михайловной, представительницей рода Чураковых, известного своей династией художников-реставраторов, и Борис Степанович, впоследствии известный советский ученый-зоолог. Телевизоров

и радио в то время не было, поэтому в своих письмах люди старались максимально подробно описать для своих родных те события, свидетелями и участниками которых они были. Перед читателям предстанет вся история страны того периода, рассказанная обыкновенными людьми.

Хочется отметить большую работу, проделанную дочерью Веры Степановны и Михаила Константиновича Вентцелей Наталией Михайловной (1926–2019), которая бережно сохранила и сделала подборку этих писем.

Во второй части книги представлены воспоминания Ирины Викторовны Матвеевой (1906–1995), второй жены Сергея Степановича Матвеева. С одной

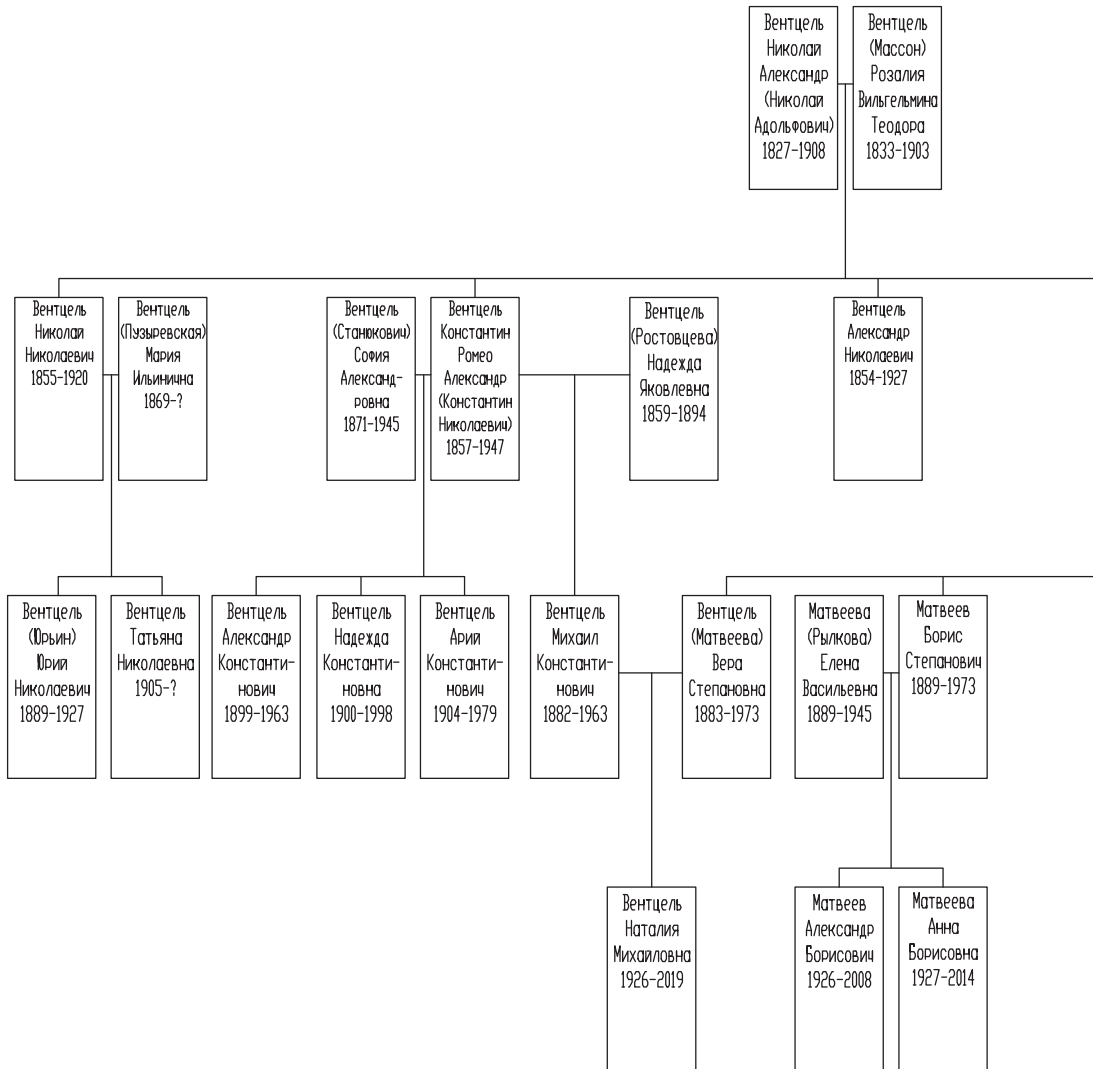
стороны, она прекрасно знала всех детей Степана Григорьевича и Анны Петровны Матвеевых, а с другой — сама происходит из рода Вентцелей, о котором говорилось выше. Обладая прекрасной памятью, Ирина Викторовна на склоне лет по настоянию своего сына написала воспоминания, в которых нашли отражение многие значимые события XX века. События из жизни ее семьи, происходившие на фоне истории страны, прекрасно иллюстрируют дух того времени. Жизнь Ирины Викторовны была непростой. Брак с человеком старше ее более чем на 20 лет, да еще и с тремя детьми, репрессированные родители, ранняя смерть мужа (она пережила Сергея Степановича на 51 год), безвременная смерть любимой сестры, войны — не каждый мог бы выдержать всё это. Но обладая мягким, добрым характером, Ирина Викторовна смогла стойко перенести все невзгоды, воспитать прекрасных детей и сохранить для потомков память о своей семье и о том времени.

В конце книги приводится воспоминание сына Ирины Викторовны Евгения Сергеевича Матвеева о Ролане Быкове, с которым он дружил.

К. Е. Матвеев

Ниже, для удобства понимания непростых родственных отношений, представлены фрагменты генеалогического древа этой семьи с основными персонажами, упоминаемыми в этой книге.

ПИСЬМА 1916–1921, 1923–1924 ГОДОВ*

ЧАСТЬ 1

Мой отец, Михаил Константинович Вентцель, в 1916 году окончил физико-математический факультет Императорского Московского университета по отделению математических наук и был «в заседании Физико-математической Испытательной Комиссии 26 мая 1916 года, удостоен диплома первой степени». Его специальностью была астрономия. Как раз в это время в Москву приехал директор Юрьевской (ныне Тартуской) обсерватории профессор астрономии К. Д. Покровский, который хотел в Москве или Петрограде найти себе молодого сотрудника. Университетские профессора рекомендовали Покровскому М. К. Вентцеля, предварительно получив его согласие принять это предложение. Во время переговоров с Покровским выяснилось, что он откомандирован в только что основанный как отделение

* Подбор писем, их сокращение (опущены места частного характера) и комментарии Натальи Михайловны Вентцель.

Михаил Константинович (в письмах — Миша) Вентцель (1882–1963)

Вера Степановна (в письмах — Верочка) Вентцель, урожденная Матвеева (1883–1973)

Петроградского Пермский университет и приглашает туда Михаила Константиновича.

Моя мама, Вера Степановна Вентцель, окончила Высшие женские курсы Герье в Москве и была учительницей русского языка и литературы в школе. Ее родители, Степан Григорьевич и Анна Петровна Матвеевы, жили в Воровской губернии на своем хуторе в 7–8 верстах* от города Боброва. Степан Григорьевич служил в уездной земской управе в Боброве — сначала в должности секретаря земской управы, а потом земского страхового агента — и занимался хозяйством у себя на хуторе.

Летом Вера Степановна и Михаил Константинович обычно приезжали на хутор. Так было и в 1916 году. В Москву они вернулись 12 августа 1916 года.

* 1 верста = 1,07 км. — *Примеч. ред.*

Степан Григорьевич Матвеев
(1858–1919)

Анна Петровна Матвеева
(1855–1919)

1

Михаил Константинович к Анне Петровне и Степану Григорьевичу на хутор

13 августа 1916 года, суббота, Москва

По приезде в Москву нашел письмо от Покровского, которое ждало меня уже 2–3 дня. Он пишет, что рад моему согласию ехать в Пермь, что как только получит извещение из Юрьева о моем назначении, напишет в Министерство [народного просвещения] просьбу об откомандировании меня в Пермь. Он предполагает, что мне придется все же съездить в Юрьев, чтобы формально вступить в должность, представиться ректору, познакомиться с астрономами, передать мои документы в Правление и т. п., но об этом он напишет мне более определенно по получении вестей из Юрьева.

Письмо Михаила Константиновича было отправлено вместе с письмом Веры Степановны к ее родителям.

Константин
Доримедонтович
Покровский

2

Вера Степановна к Анне Петровне и Степану Григорьевичу на хутор

15 августа 1916 года, Москва

Вот уже третий день мы в Москве. Завтра я уже иду на работу. Что-то у нас в школе? Мишины дела уже налаживаются; не знаю, как я буду. Очень тревожусь за вас. Жутко уезжать далеко от вас, мои дорогие родители.

В сентябре Михаил Константинович по дороге в Юрьев заехал в Петроград похлопотать о своей командировке в Пермь. В Петрограде жили старшие братья Константина Николаевича Вентцеля, отца Михаила Константиновича, — Александр Николаевич (дядя Саша) и Николай Николаевич (дядя Коля).

Константин Николаевич был педагогом-теоретиком, философом, писал стихи. Хорошо играл на пианино по нотам с листа и импровизировал; в молодости был членом революционного кружка, примыкавшего к партии «Народная воля».

Александр Николаевич, инженер-путеец по образованию, имел чин тайного советника и был чиновником особых поручений Министерства финансов, а Николай Николаевич был литератором, журналистом, сатириком.

3

Михаил Константинович к Вере Степановне в Москву

10 сентября 1916 года, Петроград

Вчера был у всех официальных лиц и вынес убеждение, что наше дело налаживается и тебе можно переезжать в Пермь хоть сейчас! Впрочем, расскажу все по порядку.

Когда приехал в Питер, то на вокзале оказалась такая масса народу, что было невозможно где-либо притулиться не только для того, чтобы переодеться, но

**Александр Николаевич
Вентцель (1854–1927)**

**Николай Николаевич
Вентцель (1855–1920)**

**Константин Николаевич
Вентцель (1857–1947)**

даже и чтобы письмо написать; при этом камера для хранения багажа оказалась так переполнена, что у меня не могли принять вещей на хранение. Тогда я решил отправиться с вещами прямо к дяде Саше. Сел на извозчика и поехал. Но увы! Когда я приехал по записанному у меня адресу, никакого дяди Саши там не оказалось! Потом оказалось, что у меня неверно было записано: нужно Знаменская, д. 6. кв. 5, а у меня, наоборот, д. 5, кв. 6! Кроме того, я потом узнал, что дяди Саши нет сейчас в Питере и что он приедет из Кисловодска только семнадцатого.

Не найдя дяди Саши, я решил ехать к Госам*. И после долгого путешествия (ибо я «ехал по таксе») наконец попал к ним и был встречен весьма радушно. Умывшись, напившись чаю и нарядившись, пошел по делам. Прежде всего явился к ректору Петроградского университета профессору Гримму. Он произвел на меня большое впечатление. Представь себе высокого стройного седого старика с очень приятным молодым лицом, с умными выразительными глазами, с отпечатком благородства во всей фигуре. Он принял меня очень любезно и сейчас же позвонил по телефону

* Знакомые моих родителей. — Здесь и далее примечания Н. М. Вентцель, если не указано иное.

Эрвин Давидович
Гримм

в министерство, чтобы узнать, в каком положении находится моя командировка.

Оказалось, что бумага Покровского уже получена и что это дело уже разрешено в благоприятном смысле. Затем он мне посоветовал тотчас самому поехать в министерство, чтобы похлопотать об ускорении назначения командировочных сумм, что я и сделал. Вице-директор, к которому я должен был обратиться, подтвердил мне сказанное по телефону и сказал, что от министерства мне выдадут причитающиеся мне прогонные и дорожные суммы, которые высчитываются по особым правилам, так что он не знает, сколько это выйдет. Чтобы ускорить это дело, он предложил мне тотчас подать ему соответствующее заявление

и обещал, что деньги мне будут в конце ближайшей недели при моем обратном проезде из Юрьева в Пермь. Вообще у меня составилось такое впечатление, что к Пермскому отделению все здесь относится с заботливостью и вниманием и всячески стараются поддержать новое просветительное начинание.

Из министерства я вернулся к Госам пообедать, и так как было уже не рано и мне нужно было сходить по поручению Покровского к профессору астрономии Иванову, то я принужден был отложить свой отъезд до сегодняшнего дня. Признаюсь, Иванов мне не особенно понравился, хотя и был со мной довольно любезен и обещал свое содействие по части инструментов и пособий. Зато дядя Коля и его семья, к которым я затем попал, произвели на меня очень хорошее впечатление. Дядя Коля все время острил и, между прочим, сказал, что по его сведениям «в Перми tout est permis»* (за французское правописание не ручаюсь). От него я и узнал правильный адрес дяди Саши и время его приезда. Сегодня они пригласили меня непременно к ним обедать, так что невозможно было отказаться.

Ну кончаю! В Юрьеве пробуду, вероятно, с неделю, впрочем, напишу об этом оттуда.

* Все разрешено (франц.) — Примеч. ред.

Юрьевский университет на рубеже XIX–XX вв.

4

Михаил Константинович к Вере Степановне в Москву

13 сентября 1916 года, Юрьев

В Юрьеве здесь очень симпатично. Обсерватория расположена в большом парке на горе. Когда я пишу эти строки, из моего окна видно, как белочка перепрыгивает с ветки на ветку, распустив свой пушистый хвост. Я познакомился со всеми здешними астрономами-ассистентами; все это оказался очень милый и простой народ, все молодежь, мои ровесники или даже моложе. Все они очень хвалят Покровского и говорят, что с ним очень хорошо служить и работать. В первый же день по приезде представлялся ректору и вчера ходил к казначею. Ректор большой формалист и не хочет меня отпускать в Пермь до получения официальной командировки. Казначей, наоборот, оказался очень любезным и внимательным.

Продолжаем жить в тревоге за уехавших родителей и Додусю. Сколько бесконечного времени прошло, пока получили с дороги открытку (письма тогда шли медленно и проверялись военной цензурой). Везли их долго в теплушках, набитых до отказа.

16–17 октября 1941 года. Немцы рвутся к Москве, уже в 30 километрах от города. Однажды Валя вбегает домой с криком: «Мама, немцы десант высадили!» Выбегаю во двор, в небе какие-то облачка, разрывы. Во дворе полно народу, все смотрят. Но тревога была ложной, это были наши парашютисты. Но все в тревоге, и Москва начинает бежать. По улицам едут нагруженные машины, люди с тележками и просто с узлами направляются в сторону вокзалов. У меня тоже такое стихийное чувство, что раз все бегут, то и нам надо бежать. Стараюсь преодолеть его, образумить себя. Куда бежать, зачем? Сережа работает, его техникум, где он преподает, не эвакуируется, значит, мне одной с детьми... Нет уж, лучше будем вместе, будь что будет...

На карточки, на какие-то оставшиеся корешки от карточек, на какие-то талоны выдают сразу много продуктов и по пуду муки на работающего человека, т. е. нам полагается два пуда, на Сережу и Таню. На иждивенцев и детей не дают, надо устраиваться работать. Ходим в темноте занимать очередь за мукой. Очереди огромные, надо все получить, боишься опоздать. С большим трудом получаем все, что положено. Немцы под Москвой, все выдают населению, чтобы не досталось врагу. Это была последняя большая выдача. Потом норму резко сократили, и начался голод.

Живем в тревоге, но вот радостное известие: немцев под Москвой остановили, но радоваться рано, идут тяжелые бои и впереди еще долгих, долгих почти четыре года. Теперь уже никто не думает, что война может кончиться скоро.

Зима 1941/1942 года. Приближается зима. Продукты, полученные в октябре, съедены. С ноября норма сильно сокращена, не хватает хлеба, дров дают мало. Мы перебираемся в одну первую комнату, вторую закрываем. Ставим в первой комнате маленькую железную печурку, обкладываем ее кирпичом и ею греемся. Готовим тоже на ней, т. к. керосина мало, его не хватает. Тепло печка держит плохо, к утру в комнате холодно, и надо скорей затапливать, чтобы вскипятить чайник или сварить какую-нибудь жидкую похлебку на завтрак. Нас пятеро, Таня живет еще в это время с нами. И холодно, и голодно, школы не работают.

Ребята продолжают заниматься в хоре, которым руководит уже не Соколов (он уехал в октябре из Москвы), а Владимир Сергеевич Локтев. Ребята ездят выступать в госпитали перед ранеными. Впоследствии, когда немцы были уже далеко и угроза взятия Москвы миновала, Соколов вернулся в Москву и предъявил свои права на руководство хором. Локтева попросили освободить место, чем он был очень обижен. Он перешел тогда в городской Дом пионеров. Все мальчишки, а их было тогда немного, человек восемь, как один демонстративно ушли с ним вместе, оскорбившись за своего любимого дирижера. С Домом пионеров у ребят (особенно у Жени) было связано много лет, сначала в хоре (ансамбль песни и пляски), а потом в драмкружке и худкружке.

От родителей и Додуси приходят нерадостные письма. Живут они в ужасных условиях, какая-то маленькая хатенка, одна комната, дымная печка. Зимой бураны, которые заносят дома так, что приходится откапываться, на окнах внутри хаты лежит иней. В этой комнатке их пятеро. Кроме родителей и Додуси еще две тоже высланные старушки немки, Эмма Эдуардовна и Эмилия Ивановна. Все теснятся так, что прохода не остается между кроватями, приходится передвигаться боком. Грустно им там и одиноко. Их называют «немцы», а какие они немцы?

Мама до конца своих дней писала стихи и некоторые посылала в письмах.

*В хате нашей тесно, дымно и темно,
Свет едва проходит в тусклое окно.
Хату можно вымыть, дым в трубу уйдет,
Только мысль о милых из ума нейдет.
Где они, что с ними, живы или нет.
И с надеждой мама тщетно ждет ответ.*

И обращенные ко мне:

*Мне грустно потому, что ты от нас далеко,
А я так горячо тебя люблю,
Мне грустно оттого, что нам так одиноко
В чужом немилостивом краю.*

*Мне грустно оттого, что лишена я счастья
Развитие ребяток наблюдать
И принимать в нем личное участие,
И что забудут нас они, как знать.*

*Мне грустно все и вся, мне хочется природы,
Тепла и солнца, милых мне людей.
А между тем бегут часы и годы,
Да тикают часы: «скорей, скорей, скорей».*

Все мамины стихи военных лет у меня сохранились, есть отдельная небольшая тетрадка. Стихи все очень грустные.

Через некоторое время в селе Астаховка, где их поселили, папа устроился работать бухгалтером, а Додуся секретарем в школу. О нас они очень беспокоились, ведь знали, что Москву бомбят.

Проходит голодная зима, наступает еще более голодная весна. Мы все уже тощие, кое-как перебиваемся, на ребят жалко смотреть — длинные, худые ноги и руки. Норму хлеба еще сократили. На мясные талоны дают яичный порошок, вместо сахара — «подушечки», какой-то комбиджир вместо масла, немного пшеница. А ведь все это надо растянуть на месяц, чтобы хватило до следующей полочки. Я все еще не работаю, пытаюсь устроиться куда-нибудь, чтобы было посытней жить.

Завод

Однажды меня вызывают в милицию, задерживают там очень долго, говорят, что я якобы говорила кому-то, что немцы возьмут Москву (ничего подобного я никому не говорила). Я уже думаю, что и меня отправят в Казахстан. Наконец приходит Сережа. Придя домой с работы, он застал мальчиков в тревоге из-за моего долгого отсутствия и прибежал в милицию. Он говорит о чем-то с начальником, и меня отпускают. А в конце апреля приносят повестку, мобилизация на военный завод «Станколит», который теперь работает на фронт. Приходится туда ехать, где-то за Марьиной Рощей.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
ПИСЬМА 1916–1921, 1923–1924 ГОДОВ	10
ЧАСТЬ 1	
13 августа 1916 года — 14 февраля 1917 года	10
ЧАСТЬ 2	
12 марта — 25 октября 1917 года	43
ЧАСТЬ 3	
7 ноября 1917 года по старому стилю — конец мая 1921 года	62
ЭПИЛОГ	
15 декабря 1923 года — 15 мая 1924 года	105
ВОСПОМИНАНИЯ	
ИРИНЫ ВИКТОРОВНЫ МАТВЕЕВОЙ	
(УРОЖДЕННОЙ ФИЛИППИ)	108
О моих родителях.....	109
Что я помню	113
Поездка в Ленинград	191
Замужество	194
Дачи.....	197
1929 год. Быково	197
1930 год. Сходня (деревня Морщирино)	197
1931 год. Сходня (деревня Голиково)	199
1932 год. Манихино	202
1933 год. Звенигород (деревня Марьино).....	205

1934 год. Павловская Слобода (деревня Веледниково).....	208
1935 год. Подрезково (деревня Усково).....	210
1936 год. Подрезково (деревня Усково).....	210
1937 год. Правда	212
1938 год. Опять Подрезково («Конюшня»)	212
1939 год. Битца	214
1940 год. Рыбино (под Подольском)	215
Война	216
Начало.....	216
Завод.....	224
Окончание	227
Победа	242
Умер Сталин	245
Уланский переулоч	246
Хождение по мукам	258
О замужестве	261
Моя Додуся	262
О РОЛАНЕ	269
Именной указатель	274